

Муниципальное бюджетное учреждение
«Библиотека им. Маяковского»

ВОСПОМИНАНИЯ
ТАРХАНОВОЙ АННЫ НИКОЛАЕВНЫ

СЛЮД-БАРГИНСКИЙ РУДНИК
РЫБИНСКОГО РАЙОНА
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

2020 ГОД.

Воспоминания
Тархановой Анны Николаевны

Личные заповеди Анны

Рассказ об Анне Николаевне Тархановой уместно было бы приурочить к Дню Учителя. На это есть все основания: многолетний педагогический стаж, пухлая папка почетных грамот - министерских, краевых, районных и городских - и, наконец, удостоверение о присвоении ей звания «Отличник народного просвещения» за подписью Министра просвещения РСФСР.



ТОЛЬКО НЕ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ МАСТЕРСТВЕ хочется говорить на этот раз.

Для Анны Николаевны это уже давно не актуально. На пожелтевшие наградные листы с высоты возраста и горького опыта она смотрит без интереса. Ей, наверное, кажется, что все, что связано с ними, было в другой жизни, о которой вспоминать больно. А ведь в памяти цепко держатся события 80 летней давности.

Одно из них особенно запечатлелось. 28 марта 1929 года в родительский дом вломилась чужие люди и по-хозяйски распорядились всем имуществом, которое наживалось годами и большим трудом. Со двора увели трех лошадей и всю остальную живность. Из амбара подчистую выгребли муку, отруби, семенное зерно. Анне было шесть или семь лет. В эту весну она тяжело болела.

- Помню, как нас раскулачивали и выселяли, - вспоминает она. - Бабушка бежала за нашей телегой, на которой нас везли по улице. Она заливалась слезами, а родители ничем не могли ее утешить. Нас увозили навсегда из родного дома. Отец с матерью не смели даже попрощаться со старушкой. Нас разлучали с ней, как разлучали многие раскулаченные семьи. Помню холодный вагон с соломой на полу. Везли, как скот, в товарнике до г. Минусинска. Кроме пустого сундука и легонького ситцевого одеяльца, ничего не было у нас. Родители успели припрятать в мешочке сухари. Помаленьку ели, спасались от голода, пока их не изъяли какие-то казенные люди при повторном обыске.

Как-то высадили нас на платформе. Ночевали под открытым небом. Потом снова повезли - уже на лошадях - в Абанский район, а оттуда в деревню Лапино. Поселили нас в доме Мурашовых. Кроме хозяев, еще и шестнадцать детей ютилось в небольшой комнате и кухне. К Мурашовым подселили и бездетных Иванцовых. Спали хозяйские дети и квартиранты на полу в ряд. Так прожили мы лето, такое благодатное ждя нас. В тайге было много ягод и грибов. С матерью мы рыбачили, поправили немного здоровье. Отца забрали в трудармию на лесозаготовки.

Вскоре нас перебросили на Слюд-Баргинский рудник в Рыбинский район. Здесь отбывали ссылку раскулаченные.

Запомнился 1933 год. Был неурожай, голод. Питались травой: пучками, лебедой, саранками. Сушили, мололи и пекли лепешки из травы. Хлебом, который родители получали по талонам, всякими правдами и неправдами они старались накормить меня. Отец работал на шахте. Он был так слаб, что не мог ходить. Пришлось везти его в г. Канск в больницу. После лечения он остался там работать на строительном объекте. Затем его направили на стройку в Красноярск.

Мать щипала слюду. Бывало, придет с работы чуть живая. Ноги отекавшие, изъязвленные. Я ее раздевала и грела больные ноги в воде, залечивала ранки чем могла. Когда матери становилось легче, она не сидела без дела, не ждала какого-то чуда, продолжала щипать слюду. У нее были умелые руки. Все могла, за что бы ни взялась. Обшивала семью, держала в порядке жилье и меня научила всякому рукоделию. А мне хотелось выучиться на учителя. Мать поощряла мою мечту.

ТОЛЬКО В 1941 ГОДУ АННЕ МОГИЛЬНИКОВОЙ (девичья фамилия)



комендатура разрешила выезд в г. Канск для поступления в Канское педагогическое училище. Аня успешно выдержала вступительные экзамены.

Началась война. Снова полуголодное существование. Отца забрали на фронт. У матери было подорвано здоровье к тому времени, но она из последних сил старалась поддержать дочь. А та была, хоть и маленькая, и хрупкая, как былинка, но способная, хваткая, упорная.

Кроме знаний по педагогике, их обучали военному делу, готовили на фронт. Аня не прошла медкомиссию. Оставили доучиваться из-за глубокого шрама на плече - отметины детства.

Война затянулась. Отец, получив ранение, попал в госпиталь. Подлечили немного и – снова на фронт.

Хлеб, полученный по карточке, тут же съедался. Постоянно хотелось есть. На выходные дни Аня ездила «зайцем» поездом «Ученик». И не одна она так добиралась до станции Заозерная.

Настал тот долгожданный день, который так лелеяли своей надеждой Аня и ее мама Ольга Матвеевна. 30 июня 1941 года девушке вручили диплом учителя начальных классов.

Свою педагогическую деятельность молоденькая учительница начинала в Ношинской средней школе Абанского района. Позже она переедет в Рыбинский район – поближе к родительскому дому. Из нее получился замечательный педагог, судя по ее наградам учеников.

В судьбе этой, казалось бы слабой



женщины спрессовалось столько поворотных событий страны, что их хватило бы на несколько жизней.

Слушаешь Анну Николаевну и удивляешься. Откуда люди ее поколения черпали силы, чтобы не только выжить выстоять, но и быть востребованными в обществе? Сколько ярких личностей явила нам их эпоха. И это не герои кинолент. Все они - живые люди, каждый со своей судьбой, порой трагической.

Смерть буквально по пятам ходила за Анной Николаевной, а она, маленькая, худенькая, подвижная, общительная (такой представляется она автору этих строк), сумела обойти ее роковые годы. Не оступилась, не скатилась. Старалась жить правильно, как учили ее родители и школа, т.е. быть нужной людям, не посрамить отца и мать.

Вспоминания свое детство, юность, зрелую пору жизни, она начинает заметно волноваться. На глазах то и дело проступают слезы. Горечь полыни тех лет не исчезла бесследно.

- Господи , дай нам силу перенести утомление, хвори, руководи волей, научи нас всех верить, надеяться терпеть, прощать, благодарить, уважать и любить, - эти слова звучат из уст неприметной кроткой и все же по-прежнему сильной женщины, как личная заповедь.

Она прожила, как могла. Пусть кто-то проживет лучше, если сможет.

Нина Чернова.

г. Заозерный.

Фото из семейного архива.

Воспоминания Тархановой Анны Николаевны

Воспоминания из книги Волобуева Г. Т. От слюды до урана [Текст] / Г. Т. Волобуев, Л. М. Волобуева. - Красноярск : Буква, 2008.-С.40-41.

Анна Николаевна Тарханова (Могильникова):



Родилась 13 февраля 1922 года к югу от деревни Жирлык, Минусинского района. В семье было шесть человек: отец, два его брата, его мать, мама и я - Аня. В хозяйстве было три коровы, овцы, лошади. Работали сами. Сеяли и молотили пшеницу. Был амбар и амбарушка, изба с русской печкой, баня. Когда стали зазывать в колхоз, родители не пошли. Нам на столб перед домом прибили красную звёздочку, в знак того, чтобы никто не общался с семьёй, так как не отдали в колхоз своё хозяйство. Потом начали отбирать хлеб, из амбара всё подмели. Позже отобрали скот, молотилку, на которой мы молотили с помощью лошадей, которых погоняли по кругу сами дети. Всё имущество бедняки растащили по домам, даже одеяла. А 24 марта 1929 года подогнали телегу, меня, больную, сняли с печки и повезли. Бабушка Дарья бежала за нами. В Минусинске посадили в телячьи вагоны, где, кроме соломы, ничего не было,

даже окон не было. Днём приоткрывали дверь, а проём перегораживали доской. Останавливались в Заозёрном. В Канске пересадили на лошадей и повезли по Абанскому тракту за Долгий Мост до деревни Лапина. Там расселили по квартирам, не спрашивая хозяев, у которых своим семьям негде было спать. Спали на полу вместе с ребятами хозяев. У меня к этому времени рассосалась от болезни косточка плечевого сустава, так как лечить в дороге не было возможности. Эта травма осталась на всю жизнь. Отца забрали на лесосплав, я с мамой осталась в деревне. Здесь прожили год, и нас в 1930 году опять повезли до Заозёрного, а оттуда - на рудник. Там уже было несколько барачков и избушек. Избушки маленькие, в них топчаны на чурках, солома вместо постели. Вначале жили с подселением, потом с двумя семьями построили собственный домик, один на всех. Отец пошёл в шахту, а мать - щипать слюду. Потом опять стали разводить кулаков: Бахтеревых увезли на Кондаковский рудник, а Пугачёвых - в Усть-Баргу.

1933 год был голодный. От голода пухли ноги, даже чулки прилипали к ним. Отец не мог лежать, спать, лечился травой. Хлеба получали по 150 граммов, отвратительного качества. Родители отдавали пайку мне. Тогда мы, я и трое детей соседей, пошли по миру на Усовскую заимку и в Гмирянку. На нас налетели собаки, мне порвали юбку. Хлеба не принесли, нам давали только репу и брюкву.

На косогоре, в здании рудоуправления, была четырёхлетняя школа. Потом построили новую, и она стала семилеткой. Парт не было, только столы. Моим первым учителем был Александр Николаевич Спирин. Он потом ушёл работать в снабжение Заозёрновской слюдфабрики.

Жили мы в посёлке дружно, врагов никогда не было. Запомнился комендант Леонтий Кожемякин. У него была жена и двое детей. Этот человек относился к нам хорошо.

В 1938 году он отпустил пять человек в Заозёрный учиться в восьмой класс, а потом - в город Канск, в педагогическое училище. Но, к сожалению, коменданты менялись часто.

В январе 1941 года наша избушка была перевезена в Заозёрный в «кулацкий посёлок». Режим там оставался до 1953 года, года смерти Сталина».